

О.А. Ковалев

Алтайский государственный университет

Субъект нарратива в свете проблемы идентичности

Аннотация: Современная теория нарратива дает возможность рассматривать такие составляющие нарративного текста, как персонаж и нарратор, сквозь призму проблемы идентичности.

Modern narrative theory gives us the possibility to regard the narrative text components such as the character and the narrator, through the prism of identity problem.

Ключевые слова: субъект, нарратив, самоидентификация, идентичность, персонаж, нарратор.

The subject, the narrative, self-identification, identity, character, narrator.

УДК: 821.0.

Контактная информация: Барнаул ул. Димитрова, 66. АГУ, филологический факультет. Тел. (3852)366381. E-mail: kovalev_oa@mail.ru.

1

Состояние современной нарратологии характеризуется неопределенностью границ, связанной прежде всего с чрезмерной широтой сложившегося к настоящему времени понимания ее ключевых понятий: в последние десятилетия объем значения категорий «нарратив», «нарративность» неуклонно возрастал, включая в себя все новые явления. Получая теоретические импульсы из истории, психологии, социологии, лингвистики, философии, нарратология уже давно перестала быть чисто литературоведческой дисциплиной, постепенно превращаясь в широкую междисциплинарную область.

Одним из частных аспектов проблемы субъекта, имеющим в наибольшей степени отношение к художественной литературе и находящимся на стыке исследований психологического, социологического, философского и литературоведческого характера, является проблема идентичности и идентификации, обсуждение которой стало особенно активным с конца 1960-х годов. Термин «идентификация» был введен еще З. Фрейдом. В психоанализе под ним обычно понимают идентификацию ребенка с одним из родителей. В социологии и психологии этот термин обозначает имитацию, подражательное поведение, а также эмоциональное слияние с объектом.

Говоря о проблеме идентичности применительно к литературе, следует прежде всего отметить возможность и целесообразность выделения различных видов идентификации (по традиции их можно было бы также назвать формами мимесиса):

- идентификация читателя с героем, происходящая в процессе чтения;
- идентификация читателя с автором, являющаяся одной из форм и одним из условий понимания текста, – тот вид идентификации, который делает возможным воспроизведение – в трансформированном виде – творческого акта, превращение (обычно виртуальное) читателя в писателя; то есть самоидентификация читателя с автором как субъектом творчества;

– персонаж как фигура самоидентификации для автора (в разных вариантах этот аспект рассматривается в работах по психологии литературы, хотя обычно от поиска некоего персонажа – двойника автора или его автопортрета исследователи уходят к построению модели расколотого, расщепленного «я», отдельные элементы которого в персонифицированном виде представляет нарратив);¹

– стиль как выражение авторской личности (в самом процессе написания текста в очень сильной степени присутствует момент самоидентификации, ибо автор стремится не только «подстроиться» к адресату, но и воспроизвести стихийное, бессознательное представление о себе – в первую очередь о себе как об авторе).

Применительно к нарративу суть интересующего нас вопроса можно сформулировать так: какую роль играет повествовательная литература в решении проблемы идентичности, как влияет художественный нарратив на процессы формирования и восприятия самости?

В философии мысль о связи природы нарратива с проблемой идентичности в 1980–90-е годы обосновывалась П. Рикером в работах, посвященных повествованию. Один из аспектов проблемы идентичности в понимании П. Рикера связан с поиском ответа на вопрос о том, каково значение повествовательных текстов для восприятия человеком его самости. По мнению П. Рикера, искусство повествования, во-первых, утверждает «ведущую роль третьего лица в познании человека. Герой есть некто, о ком говорят» [Рикер, 1995, с. 29–30]. Во-вторых, благодаря равновесию наблюдения и самоанализа в литературном персонаже происходит обогащение нашего набора физических предикатов («Богатство психологических состояний в значительной мере есть продукт исследования души рассказчиками и создателями персонажей» [Рикер, 1995, с. 30]). В-третьих, с вымышленным характером персонажа связан специфический элемент, «дающий новое направление анализу самости»: «Благодаря повествованию рефигурация демонстрирует самопознание, выходящее далеко за границы области повествования: “сам” познает себя не непосредственно, а исключительно опосредованно, через множество знаков культуры» [Рикер, 1995, с. 33]; «...в самопознании значительную роль играет интерпретация самости. Идентификация читателя с вымышленным персонажем является проводником этой интерпретации» [Рикер, 1995, с. 34].

Итак, на пути построения образа «я» неизбежно присутствует момент отождествления с другим, и большую роль здесь играет идентификация с воображаемым другим – персонажем. Но в этой игровой самоидентификации есть, по мнению П. Рикера, опасный момент, ибо она может стать способом самообмана, бегства от себя: «Жить в воображении означает выступать в ложном облике, позволяющем скрываться» [Рикер, 1995, с. 35]. Поскольку открытие «я» и преобразование «я» неотделимы друг от друга, «повествование значительным образом сказывается на рефигурации самости» [Рикер, 1995, с. 36]. Иначе говоря, повествование влияет на человеческую способность конструировать себя, свою самость. Но при этом виртуализация самообраза, с одной стороны, является особым случаем идентификации с другим, с другой стороны, игровой характер самости, достигаемой через повествование, грозит полной утратой какого-либо представления о себе. Если согласиться с теоретиками постмодернизма в том, что виртуализация жизненных историй создает кризис идентичности, то, очевидно, следует признать, что определенную роль в деидентификации играют фикциональные тексты, а сама проблема, по-видимому, стала ощущаться не в XX веке, а значительно раньше. Достаточно сказать, что благодаря своим персонажам – лгунам, фантазерам и сочинителям, находящимся в напряженном конфликте с кодифицированным образом реальности, эту проблему удалось нащупать и в художественной форме поставить Ф.М. Достоевскому.

¹ См. интересный пример подобного анализа произведений Стендаля: [Моруа, 1970].

Современная культурная ситуация часто характеризуется как ситуация кризиса идентичности, который заключается в «отсутствии очевидного и естественного образа себя» [Шеманов, 2007, с. 26]. Несомненно, что о кризисе свидетельствует прежде всего актуальность самой проблемы идентичности в философии, социологии, психологии: когда идентичность не представляет собой проблемы, она не становится предметом рефлексии.

Если в психологии и психоанализе проблема идентичности ставится обычно в связи с формированием личности, образа «я», я-концепции, то в социологии и культурологии акцентируется скорее многообразие типов идентичности, сформировавшихся в истории культуры в рамках различных национальных культур либо существующих в настоящее время. Некоторые исследователи указывают на формирование в современной европейской культуре личности нового типа: человека, для которого неактуально ценностное выстраивание поля своей личности. Обычно, если говорить о традиционной личности европейского типа, представление человека о себе игнорирует или, точнее, вытесняет определенные грани опыта, проявления и т.д., что приводит тем самым к репрессивности в отношении своего «я». Возникает впечатление, что современный человек в значительно меньшей степени репрессивен, чем тот тип личности, который запечатлело классическое искусство. Так, например, по мнению А.Ю. Шеманова, «сейчас происходит культурный сдвиг, расшатывание классической культурной парадигмы» [Шеманов, 2007, с. 436]. «Поскольку для такого типа сознания нет надобности отождествления себя с другим, то несовместимость его с чем-то иным не составляет проблемы. Эта несовместимость безразлична сознанию. Иное не нарушает его покой, поскольку это сознание, в отличие от европейского субъекта, определяется отталкиванием от субъекта овладевающего, а не через овладение своим и потому не через рефлексивную идентификацию с тем, чем овладеваешь» [Шеманов, 2007, с. 437].

Антропологический подход к литературе требует учитывать те глобальные антропологические трансформации, которые происходили в истории европейской культуры: художественная литература запечатлела их очень ясно. Изменение отношения к традиции, резкое повышение ценности индивидуального в предромантической и романтической культуре имеют непосредственное отношение к феномену кризиса идентичности. С определенного момента, примерно с эпохи романтизма, художественная культура перестает выражать идентичность, а становится скорее сферой ее поиска и, следовательно, проблематизации. Именно в это время в литературе появляются попытки эстетического завершения неопределенности, бесхарактерности, безличности.

Как ни парадоксально, романтическая культура, с ее предельной ориентацией на индивидуализацию, дала и особенно яркие образы обезличенности как воплощение страхов, свойственных этой культуре¹. Это иное романтизма, страх перед которым в какой-то степени объясняет кризис романтизма и переход его в другое качество. Так, например, известный всем со школьной скамьи «лишний человек» – воплощение образа человека с нарушенной идентичностью, человека, который не может отождествить себя ни с одной из социальных ролей, ни с одним самообразом. Впрочем, парадокс этот скорее всего следует признать мнимым: то, что литература в какой-то момент принимает на себя полномочия по построению идентичности, свидетельствует как раз о том, что традиционные социальные институты перестали выполнять эту функцию. Не исключено, что художественная культура в определенный момент становится заложницей новой культурной и антропологической доминанты – установки на преодоление границ «я», транс-

¹ Например, в творчестве Стендаля, Бальзака, Флобера близость выступает и как эстетическая проблема, и как черта определенных эпох – Реставрации, Второй империи.

грессию. По мнению социолога литературы М. Берга, в Новое время именно литература «сосредоточила в себе общественное стремление к преодолению всех и всяческих границ, церемониальных, этикетных, нравственных и сексуальных» [Берг, 2000, с. 24].

Роль литературы Нового времени в построении идентичности индивидуума в известном смысле разрушительна, ибо литература привлекает обещанием обретения идентичности, повышающей статус человека, но не дает ее, а лишь делает самообраз разорванным, противоречивым, беспокойным. Данные особенности процессов формирования самообраза под влиянием литературы соответствуют характеристике субъекта в работах теоретиков постструктурализма, например, Ю. Кристевой, отмечавшей гетерогенность субъекта, его неспособность к устойчивости [Кристева, 2004, с. 388].

Мы ни в коей мере не беремся утверждать, что литература несет главную ответственность за утрату идентичности. Социологи называют в качестве основной причины этого процесса разрушение традиционных обществ как следствие промышленной революции. Скорее всего, литература выразила тоску по утраченной целостности, стала слабой зацепкой для человека, лишившегося ясного представления о себе.

Как показывают многие исследования по истории русской культуры, Россия XIX века в этом смысле существенно отличается от европейских стран. Для русской литературы XIX века утрата идентичности и ее поиск приобрели особую актуальность. Если говорить собственно о художественной литературе, то в разном виде эти поиски отразились у Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского. Видимо, дело не только в том, что ситуация литературоцентризма в России оказалась пролонгированной и потому литература была вынуждена долгое время выполнять те функции, которые обычно берут на себя иные социальные институты. Повышение эстетической завершенности роли литературы оказалось связано с размышлениями о России, ее исторической судьбе, ее назначении. Иначе говоря, процесс самоидентификации в явной или скрытой форме проходил прежде всего как процесс национальной идентификации, приобретший для России начиная с 1830-х годов особую остроту.

С одной стороны, литература давала мощный импульс к поиску целостного самообраза, имеющего эстетическую ценность, а потому становилась способом повышения своего статуса, как для автора, так и для читателя. С другой стороны, она ставила перед читателем в этом плане слишком высокие требования, ибо такого рода целостность оказывалась практически недостижимой. В итоге для многих авторов, например, Ф.М. Достоевского, Ап. Григорьева, самоидентификация с помощью литературы была чревата как возможностью использования поэтики в целях самопостроения, так и необходимостью отрицания литературы в себе. Параллельно она отвергала иные формы идентичности, более традиционные и передающиеся, например, через семью, социальную и профессиональную среду и т.д. В этом смысле литература в XIX веке в известном смысле действовала подобно тому, как сейчас действуют реклама или шоу-бизнес, которые навязывают определенные идеалы внешности, поведения, образа жизни, но, так сказать, завышают планку, лишая человека порой даже шанса создать образ сколько-нибудь удовлетворяющей его самости. При этом массовая культура, при всей ее обезличивающей мощи, ставит перед человеком, начиная с романтизма, требование именно поиска самости.

3

Несомненно, значительная часть литературоведческих категорий, в особенности такие, как персонаж и нарратор, может и должна быть осмыслена в антропологическом ключе. Современная культурная и философская ситуация дают возможность рассматривать литературное творчество как опыт по самоконструированию субъекта. В философии идея смерти субъекта сменилась установкой на

его «воскрешение». Еще Ю. Кристева видела в художественном творчестве мучительную попытку обретения целостности – недоступной, иллюзорной, невозможной, но необходимой. В то же время было бы, конечно, наивным рассматривать процесс написания произведения или чтение только как средство построения эго-идентичности, достижения целостного и непротиворечивого «я».

В некоторых современных работах по психологии и психоанализу, посвященных проблеме субъекта, подчеркивается подвижность и условность границ, отделяющих субъект от объекта, внешнее от внутреннего, что убеждает в историчности человеческого «я», неустойчивости его границ. Так, еще К.Г. Юнг писал о том, что человеку свойственно проецировать свою психическую жизнь вовне. По мнению Ч.Х. Кули, в основе формирования самости лежит присущее человеку чувство присвоения. По Дж.Г. Миду, в основе формирования зрелой самости лежит возникновение у человека образа обобщенного другого. Э. Левинас, провозгласивший поворот от принципа субъективности к принципу интересубъективности, отмечал, что обладание собой никогда не бывает полным¹. «Я», таким образом, часто рассматривают в качестве конструкта. Не следует ли и нарратив понимать не только как опыт по конструированию виртуальной реальности, но и как опыт по разграничению субъекта и объекта, а также градации внешнего и внутреннего, вымысла и реальности?

Еще Платон в «Государстве» рассматривал повествование как некую игровую самоидентификацию и игровое освоение чужого опыта, а тем самым как форму самоконституирования, обозначения поля психологических возможностей и проведения черты, отделяющей свое от чужого, внутреннее от внешнего².

Творчество может пониматься как процесс присвоения чужого художественного опыта, чужих умений, т.е. преобразования внешнего во внутреннее. Осваивая традицию, определенные умения и художественные навыки, автоматизируя их и воспринимая как свои, автор достигает писательской идентичности, формируясь в качестве индивидуального субъекта творчества.

И в то же время, как показал Х. Блум [Блум, 1999], у любого автора образуется своя область вытесненного: то, что он стремится предать забвению – в том числе в отношении к себе как к писателю, к своему творчеству, произведению, включая влияние ближайших предшественников. Эта область образуется из того, что писатель запрещает, с чем он борется, что не признает в себе. Так для автора образуется область иного, которую часто выражает персонаж-антигерой, своего рода персонификация вытесненного.

Безусловно, рассматривая нарратив как способ репрезентации субъекта, мы неизбежно сталкиваемся с неоднозначным, парадоксальным характером этой репрезентации. Но означает ли это, что мы вовсе должны уйти от данной проблемы, ограничиваясь простой каталогизацией форм выражения субъекта, не пытаясь увидеть за этим драму, конфликт, процесс, поиск, не задумываясь над тем, как в процессе письма внутреннее превращается во внешнее и благодаря этому осознается, не пытаясь понять, как характер взаимоотношений между героем и автором, повествователем и автором отражает определенную авторскую стратегию в отношении своего «я», не рассматривая систему персонажей как моделирование не только внешнего мира, но и психики?

¹ См. об этом подробнее: [Шеманов, 2007, с. 67–87].

² «А если уж подражать, так только тому, что им подобает, то есть уже с малых лет подражать людям мужественным, рассудительным, свободным и так далее. А того, что несвойственно свободному человеку и что вообще постыдно, они и делать не должны (и будут даже не в состоянии этому подражать), чтобы из-за подражания не появилось у них склонности быть и в самом деле такими. Или ты не замечал, что подражание, если им продолжительно заниматься начиная с детских лет, входит в привычку и в природу человека – меняется и наружность, и голос, и духовный склад» [Платон, 1994, с. 160].

И даже в том случае, если персонаж не может быть напрямую соотнесен с автором, он должен рассматриваться, если выражаться метафорически, как зеркало, форма воплощения человеческого – представление о человеке, модель человека. И потому даже в том случае, если перед нами не самообраз, а образ другого, это неизбежно будет скрытой формой самопонимания.

Познание иного, другого, безусловно, имеет прямое отношение к самопознанию, ибо предполагает нечто вроде абъекции – отторжения, которое является способом самоидентификации. Во-первых, потому что это хотя и негативная, но самоидентификация. А во-вторых, потому что в таких случаях отторгается то, что все же индивидууму так или иначе знакомо, притом знакомо «изнутри».

4

В плане антропологическом любопытен такой компонент нарратива, как повествователь, субъект речи. С одной стороны, он как бы ближе всего располагаясь к автору и нередко читатель воспринимает его голос как голос самого автора. С другой стороны, он имеет в наибольшей степени обезличенный характер. Это деперсонализированный взгляд, точка зрения, использующаяся автором в каких-то определенных целях, в соответствии с принятой стратегией текста. Субъект наррации, по словам Ю. Кристевой, становится «кодом, не-личностью, АНОНИМОМ <...>». Автор, таким образом, это субъект наррации, преображенный уже в силу самого факта своей включенности в нарративную систему и одновременно включенности из нее; он – ничто и никто <...>. Он становится воплощением анонимности, зиянием, пробелом затем, чтобы обрела существование структура как таковая» [Кристева, 2004, с. 468].

Взгляд нарратора не является индивидуальным авторским взглядом, ибо как раз здесь автор выполняет двойную задачу: с одной стороны, устанавливает контакт с читателем, а, следовательно, ищет способы перехода на его точку зрения – и в этом смысле осваивает и перенимает взгляд другого и, с другой стороны, использует культурную, литературную, жанровую традицию как взгляд – и тоже взгляд другого, но деперсонализированного в еще большей степени, ибо эта традиция имеет по преимуществу анонимный характер.

Таким образом, инстанция повествователя как нельзя лучше демонстрирует тот хорошо известный факт, что точка зрения – это взгляд другого, организующий, выстраивающий, конституирующий самость, взгляд, без которого и самость как таковая была бы невозможна.

Однако сказать лишь о процессе деперсонализации, происходящем в тексте – значит, по сути, ничего не сказать. Ведь мы должны попытаться понять, как в данном, частном случае через инстанции персонажа и нарратора протекают процессы идентификации. И опять-таки для описания этих процессов недостаточно ни констатации того, что в языке содержится только общее, ни простого различения я-реального и я-пишущего, тем более что я-реальное уже давно стало сложной теоретической проблемой.

Даже если повествователь условен, это еще не исключает его конститутивной роли по отношению к авторской личности. Автор так или иначе идентифицирует себя как автора (писателя, литератора). Он становится частью традиции и неизбежно использует ее для поиска своей идентичности. И если можно рассматривать нарратора как форму авторского самопостроения, то автор явлен в нем прежде всего в своем писательстве. И здесь следует говорить о типе соотношения писательского и неписательского: что в нем как в личности значимо с точки зрения его профессии и роли. И литература в этом смысле предлагает определенный угол зрения, взгляд на человека как способ самоидентификации.

Данный подход к художественной культуре актуализирует вопрос о субъекте как форме присвоения и отождествления: что именно данная культура склонна рассматривать как выражение субъекта – его собственность и одновременно ат-

рибуты? Как известно, далеко не все эпохи в истории культуры склонны воспринимать субъект творчества как индивидуальность, соотносимую с реальным автором как индивидуумом.

Мы, естественно, не можем понимать субъект как изолированного индивидуума, но, с другой стороны, совершенно не брать его во внимание было бы тоже непростительно. Единственное, что остается – направить свое внимание на сам процесс взаимодействия автора как индивида (с его желаниями, проблемами) и нарративности как стихии деперсонализирующей, поглощающей, присваивающей себе субъект, а также те процессы, которые происходят в момент их соприкосновения: (1) воздействие конструирующей и организующей силы нарратива, вместе с его системой субъектов и требованиями к организации повествования; (2) приспособление конструкции для выражения субъектом своих интересов, идей и бессознательных желаний.

Литература

- Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
- Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Моруа А. Стендаль. «Красное и черное» // Моруа А. Литературные портреты. М., 1970.
- Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4-х т. М., 1994. Т. 3.
- Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007.